

Концепция формирования промышленной политики во взаимосвязи со становлением современного рынка

Наталья Светник

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Информация о статье

Поступила в редакцию:

19.10.2017

Принята

к опубликованию:

19.02.2018

УДК 338.2

JEL L52

Ключевые слова:

промышленная политика, стратегия развития, предпринимательство, модель современного рынка, Иркутская область.

Keywords:

industrial policy, development strategy, entrepreneurship, model of the modern market, Irkutsk oblast.

Аннотация

Дополнена схема современного рынка, впервые показанная С.В. Поповым. Предложена концепция формирования промышленной политики во взаимосвязи с моделью современного рынка. На примере Иркутской области показано, что ухудшение ряда показателей социально-экономического развития подтверждает необходимость разработки «грамотной» промышленной политики. Представлена авторская схема последовательно-параллельного процесса формирования и реализации стратегии развития и промышленной политики, приводящая к становлению модели современного рынка на федеральном и региональном уровнях хозяйствования.

The concept of formation of industrial policy in conjunction with the formation of a modern market

Natalia Svetnik

Abstract

The first part of this paper briefly describes the current situation in relation to foreign industrial policy, the advantages and main features exhibited by such type of development in South Korea, Singapore, Hong Kong, Taiwan, Japan and China. The author suggests that such economic success is accompanied by a change of market model. The "Model of modern market" firstly suggested by F. Braudel and schematized by Russian scientist – S. V. Popov is presented. The model is described at all four levels – financial, trading, production infrastructures and private business – complemented by the fifth level – development strategy, economic and industrial policy. The complemented model also shows a mutual feedback channel between the former four levels and the new fifth level.

The main part investigates the problem of industrial policy development in the region in conjunction with strategic development. Developing an idea of S. V. Popov author arrived to the

conclusion that the formation of post-industrial economy is possible due to a change of market models. In addition, this is one of the main reasons for efficient industrial policy. The example of the Irkutsk region shows that worsening of a number of indicators of social and economic development is confirmed by the need to develop a sound industrial policy.

The last part proposes the scheme of a series-parallel process to develop and implement the industrial policy and region's strategy. The author's idea is a progression of Popov's model by taking into account the regional and federal character of the Russian economy. Achieving the objectives of strategic development and industrial policy (the fifth level of model) in the whole country and its constituent entities should lead to the formation of the first, second and third levels of the modern market model with better conditions for private business in Russian Federation.

Стратегия индустриального развития с гипертрофированным добывающим производством и первичной переработкой (экологически грязными, наносящими наибольший вред окружающей среде и невыгодными секторами промышленности) давно изжила себя, что наглядно демонстрировали политические и экономические кризисы в России, начиная с 2008 г. Сверхдоходы от нефтедолларов, которые страна получала в 2000–2008 гг. и 2010–2014 гг., не оживили реальную экономику и не повысили уровень жизни населения. Перехода к постиндустриальной модели развития общества также не состоялось. Но одновременно появились возможности и насущная потребность в развитии промышленности в силу того, что, как показал отечественный и мировой опыт, финансовый сектор не может являться надежной основой для экономического роста.

Цель работы – предложить и обосновать концепцию формирования промышленной политики на федеральном и региональном уровнях во взаимосвязи с моделью современного рынка.

Для достижения цели проведен анализ отечественной и зарубежной литературы по теме исследования. Используются данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области, Единой межведомственной информационно-статистической системы и Сибирского таможенного управления Федеральной таможенной службы, сделан ряд расчетов на их основе. Перечень основных параметров, характеризующих социально-экономическое положение региона, взят с опорой на проект стратегии социально-экономического развития Иркутской области. В имеющихся исследованиях относительно редко используется показатель плотность населения и деятельности, который выделяют С.Ю. Глазьев и П.Г. Щедровицкий как один из основных критериев, отражающих уровень развития территории. Показатель рассчитан по формулам (1) и (2). Использован графический метод для представления модели современного рынка и предложений по ее усовершенствованию.

$$\text{Плотность населения} = \frac{\text{Численность населения (чел.)}}{\text{Площадь Иркутской области (км}^2\text{)}} \quad (1)$$

$$\text{Плотность деятельности} = \frac{\text{Количество юридических лиц}}{\text{Площадь Иркутской области (км}^2\text{)}} \quad (2)$$

Промышленная политика – это инструмент развития экономики, к которому в развитых странах до сих пор относятся с большим предубеждением в силу двух основных причин [1]:

- правительства не располагают достоверной информацией, необходимой для правильного выбора компаний или отраслей, которые нуждаются в поддержке, следствием чего становится неоправданное вмешательство в экономику и значительные финансовые потери с обеих сторон;
- промышленная политика определяется скорее политическими, чем экономическими мотивами, в результате чего только отдельные лоббистские группы и компании извлекают ренту.

Однако многие передовые проекты на подобие создания Силиконовой долины в США или развития в сфере био- и нанотехнологий стали возможны только при государственной поддержке.

И сегодня в Европе и США промышленная политика снова возвращается на повестку дня в переосмысленном виде. Как отмечает К. Айджингер, новая промышленная политика (*new industrial policy*) должна являться частью экономико-политической системы, функционировать в соответствии с другими политическими стандартами и поддерживать социальные и экологические цели; должна влиять на структуру экономики в целом, а не только на производственный сектор [2]. М. Маццукато подчеркивает влияние промышленной политики на всю экономическую структуру, выходящее за рамки производства, и эффективные меры должны охватывать полную цепочку создания стоимости и весь спектр экономики [3]. Д. Родрик дополняет эту концепцию идеями «зеленой» промышленной политики, в основе которой лежат «зеленые» технологии – методы производства, которые экономят на исчерпаемых ресурсах и выделяют меньше парниковых газов [4]. Также он отмечает опасную тенденцию, распространившуюся в странах как с сильной, так и слабой экономикой – преждевременную деиндустриализацию, опирающуюся на новые технологии и глобализацию, при которой пространство для импортозамещения занимает Китай и другие успешные азиатские экспортеры, а новое глобальное разделение труда становится благом для сравнительно небольшого числа производителей [5].

Мощное производство в целом или в рамках определенных отраслей служит толчком к росту экономики всего государства, что позволяет в относительно сжатые сроки развивающимся странам выходить на один уровень с ведущими западными державами. Показательным примером являются «Восточноазиатские тигры» – неофициальное название экономик Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня, демонстрировавших очень высокие темпы экономического развития с начала 1960-х гг. до финансового кризиса 1990-х гг. Основу стремительного подъема их промышленности обусловило государственное финансирование крупных компаний, стимулирование экспорта и жесткая, протекционистская защита внутреннего рынка. Упор был сделан на концентрированную поддержку высокотехнологичных отраслей и экспорт их продукции.

Другим ярким примером эффективного использования промышленности как драйвера роста благосостояния всей страны служит, так называемое, японское экономическое чудо 1950–1970-х гг., позволившее Японии в рекордные сроки преодолеть негативные последствия Второй мировой войны и стать достойным конкурентом США на рынке. Стратегической целью был объявлен промышленный рост за счет увеличения экспорта продукции. Для ее достижения Министерство международной торговли и промышленности Японии стало вводить протекционистские барьеры импортерам в пользу местного производства и внутренней торговли. Помимо этого, на общую цель работали занижен-

ный курс иены по отношению к доллару, учетная ставка, кредитная политика и правительство как главный инвестор. Для экспертов в области промышленной политики этот опыт, прошедший проверку временем, стал образцом достижения интеграции рыночной экономики с жестким директивным воздействием государства [6].

Нельзя не отметить выдвижение Китая на арену мировой экономики и торговли в последние десятилетия, сопровождающееся повышением уровня жизни населения и постоянно растущим вкладом в производство мирового валового продукта. Основные причины быстрого роста экономики Китая: уменьшение воспринимаемой рискованности инвестиций в страну; повышение эффективности за счет отмены или значительного снижения тарифов и квот в большинстве секторов; либерализация торговли услугами и улучшение условий для иностранных инвестиций в сфере услуг [7]. К этому перечню следует добавить наличие многосторонне развитого промышленного сектора, индикатором роста которого стала высокая производительность в ключевых отраслях.

Отмеченные преобразования сопровождались изменением модели рынка. В США модель современного рынка стала складываться после Великой депрессии, а в Западной Европе, позже в Японии и некоторых странах Восточной Азии – после Второй мировой войны в результате применения американского плана Маршалла. Впервые модель современного рынка описал Ф. Бродель [8]. Схематизацию и характеристику модели предложил С.В. Попов [9].

Развивая положения учёного, можно сделать выводы. Формирование постиндустриальной экономики стало возможным благодаря смене моделей рынков. В рамках современного рынка стали складываться международные торговые и финансовые сети, обеспечивающие трансфер устаревающих технологий из развитых стран в развивающиеся и высвобождение площадок и мощностей для создания новых высокотехнологичных разработок и производств. Стала возможна технологизация производства на базе создания единой системы стандартов и максимальной унификации продукции с последующим «расслоением» промышленности на технологические производства и инфраструктурные сети. Это позволяет менять технологические линии целиком, не нарушая стабильного функционирования промышленности в целом. Исходя из вышесказанного, концепция формирования промышленной политики невозможна без взаимосвязи с моделью современного рынка. Следующим условием формирования эффективной промышленной политики является ее увязка со стратегией развития страны и регионов и экономической политикой.

В схеме С.В. Попова не предусмотрена промышленная политика, ее место определено нами на верхнем (пятом) уровне в дополненной модели современного рынка (рис. 1). Ее структура идентична для страны и региона (в РФ – субъекта Федерации), отличаются лишь масштабы стратегии развития, экономической и промышленной политики и применяемые инструменты. Здесь уместно привести мнение авторов коллективной монографии «Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости» о том, что роль государства – определение системы координат, расстановка приоритетов, формирование соответствующих институтов и, в конечном итоге, создание экосистемы – определенной среды для развития инноваций, которая позволит соединить всех участников процесса и обеспечить эффективное сотрудничество [10]. Экосистема пронизывает каждый из четырех уровней,

что особенно актуально для промышленности, начальный импульс ощутимого развития которой возможно задать только за счет привлечения масштабного финансирования – государственного, государственно-частного и частного. Опыт других стран показал, что в дальнейшем разумные инвестиции в промышленность, реальный сектор экономики, окупаются устойчивым периодом роста. Эмпирически установлено, что для обеспечения роста ВВП на 3,5% необходимо увеличение инвестиций в основной капитал в размере 5%.

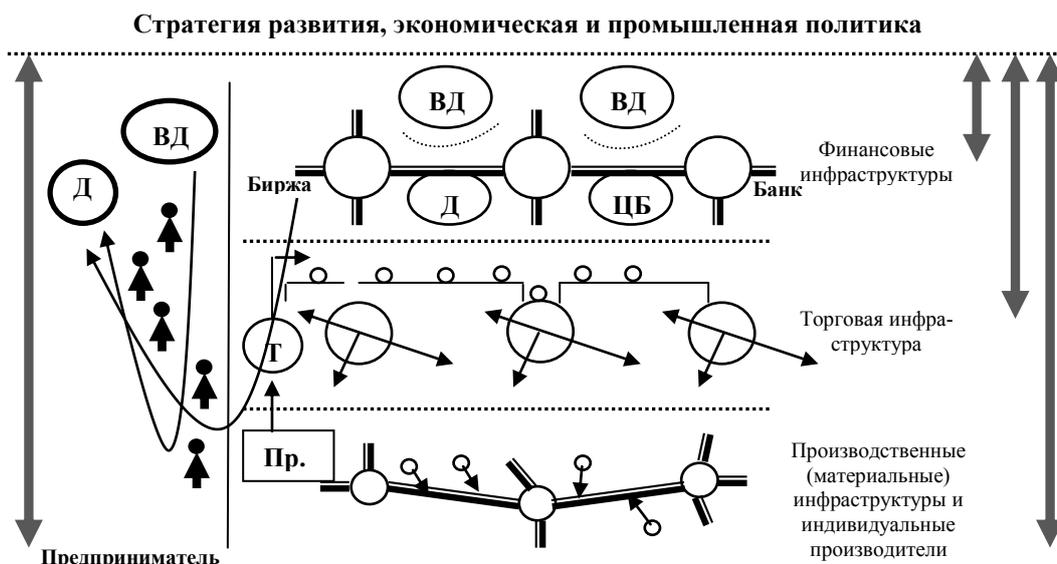

Рис. 1. Модель современного рынка

Источник: составлено автором

Рассмотрим подробнее каждый из нижестоящих уровней модели современного рынка. Нижний уровень – это промышленные производители (Пр.). Крупные компании формируют производственные сети и кластеры, в результате у мелких и средних предприятий есть все возможности успешно встроиться в готовую и развитую промышленную инфраструктуру. Результатом деятельности компаний на этом этапе является продукт, который переходит на средний уровень схемы уже в качестве товара (Т). На этом уровне через несколько крупных центров, куда стекаются все произведенные товары, происходит их распределение между конечными потребителями и посредниками. Третий уровень, включающий в себя финансовые структуры различной направленности, обеспечивает накопление и перераспределение потоков наличных (Д) и виртуальных или электронных денег (ВД) между всеми участниками рынка.

На всех трех вышеописанных уровнях действуют предприниматели, которые ищут незанятые ниши в производстве, финансовой сфере и на рынке, насыщая его товарами и услугами, обеспечивая высокую скорость циркуляции денег, ресурсов, продукции. Предпринимателям в системе современного рынка уделяется особое внимание, т.к. именно на них приходится большая (по количеству организаций) доля бизнеса, они могут максимально быстро начинать

использовать новые технологии в повседневности, быстрее приспосабливаться к меняющимся потребностям заказчиков, создавать рабочие места и т.п.

Важную роль играют взаимообратные связи, выделенные автором данной работы и идущие со стороны предпринимателей, производственных, торговых, финансовых инфраструктур к уровню стратегии развития, экономической и промышленной политик и обратно (рис. 1). Эти каналы связи дают возможность своевременного пересмотра и корректировки отдельных положений промышленной политики в целом и касающихся каждого участника современного рынка отдельно.

В настоящее время Россия приближается к формированию модели современного рынка. Завершается медленный и болезненный переход от модели чистого рынка, навязанной стране «Вашингтонским консенсусом» МВФ в 1992 г. Отечественный опыт до дефолта 1998 г. показал неконкурентоспособность модели чистого рынка и невозможность преодоления в ее рамках технологической и экономической отсталости. Россия «интересна» другим странам, прежде всего, как источник сырья, но не как государство, способное расширять свое торгово-экономическое пространство и извлекать добавочную стоимость [11]. В условиях стремительного освоения развитыми странами шестого технологического уклада времени на изменения у страны осталось совсем немного. Данное утверждение особенно актуально в отношении Иркутской области в силу того, что регион богат различными видами ресурсов, которые можно использовать для освоения новых технологий и производств.

В 1992–2013 гг. в РФ наблюдалась недооценка роли промышленной политики. Лишь в 2012 г. на высшем политическом уровне России впервые прозвучал тезис о необходимости оформления промышленной политики [10]. Но комплексные стратегии развития отраслей промышленности стали появляться только в 2015–2016 гг. Основной причиной выступила необходимость реакции на набирающие обороты санкционные ограничения, введенные с 2014 г., после чего отдельные субъекты федерации (в основном в европейской части) стали разрабатывать и утверждать региональные стратегии развития. Но данная положительная тенденция еще не коснулась Иркутской области: отсутствуют стратегия социально-экономического развития (проект стратегии принят лишь в первом чтении [12]), отсутствует промышленная политика как документ (принятый Закон Иркутской области от 27.12.2016 № 132-ОЗ «Об отдельных вопросах реализации промышленной политики в Иркутской области» ее не замещает [13]). Однако отсутствие стратегических документов, определяющих развитие социально-экономической и промышленной сфер, не означает, что соответствующие виды политик вообще не осуществляются. Но действия носят несистемный характер вынужденных реакций на возникающие проблемы, что приводит к ограниченности их эффективности, закреплению ресурсного статуса и отсталости территории от передовых российских регионов и развитых стран. Нет противодействия колониальной политике центра по отношению к Иркутской области. Академик РАН С.Ю. Глазьев считает, что российская экономическая политика пассивна. Не имея собственной стратегии, РФ отдает инициативу по освоению внутреннего экономического пространства иностранцам. Они господствуют на финансовом рынке и манипулируют им, доминируют на рынке машин и оборудования, потребительских товаров длительного пользования [14]. Это в полной мере относится и к Иркутской области.

В течении достаточно продолжительного периода социально-экономическая ситуация в Иркутской области ухудшается, но ее исправление в определенной степени возможно, как следует из вышесказанного, за счет разработки взаимосвязанных промышленной политики и стратегии развития региона. В настоящее время центром принятия всех стратегических решений является губернатор, но их частая сменяемость не позволила довести ни один проект до утверждения. За последние 10 лет пост главы региона занимали пять человек. На текущий момент в первом чтении принят далеко несовершенный, осторожно-сдержанный проект стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 г., который не позволяет изменить сложившуюся негативную ситуацию, сформировать основания для перехода к модели современного рынка. Проект не может обеспечить рывок в развитии высокотехнологичных производств и повышении качества человеческого капитала, диверсификацию и структурное обновление экономики региона.

В результате можно упустить шансы превращения Иркутска в центр большого евразийского проекта, использования потенциала региона для раскрытия и наполнения программ, формирующихся в рамках евразийского экономического союза (ЕАЭС) и сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). К примеру, в настоящее время на ЕАЭС приходится всего 3,5% мирового ВВП и 2,8% международной торговли. Но развитие внешнего контура евразийской интеграции, выстраивание особых режимов торгово-экономического сотрудничества с Китаем, Индией, странами Индокитая, Ближнего и Среднего Востока позволит компенсировать относительно небольшой вес ЕАЭС в мировой экономике [14]. В эти процессы в силу своего географического положения и обеспеченности ресурсами имеет все возможности включиться Иркутская область.

Товарооборот между Иркутской областью и странами АТР в 2016 г. составил 4,41 млрд долл. США (68% от общего товарооборота области), из которых 72,74% пришлось на экспорт¹. Крупнейшими контрагентами по экспортным операциям являлись Китай, Япония, США и Республика Корея, по импортным – Китай и Австралия. Тем не менее, по товарной структуре экспорта, где со значительным отрывом преобладают древесина и изделия из нее, древесный уголь; топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; алюминий и изделия из него; масса из древесины, регенерируемые бумага или картон, можно сделать вывод о том, что это продукты слабой степени переработки. В то время как по импорту лидируют продукты неорганической химии; котлы, оборудование и механические устройства, их части; черные металлы; электрические машины и оборудование, их части; органические химические соединения, т.е. в большинстве своем товары сложного промышленного производства. Следовательно, внутренние возможности Иркутской области как центра переработки и создания добавленной стоимости на различных этапах производственного цикла, остаются не использованными, что идет в ущерб не только региону, но и стране в целом.

На перспективы встраивания Иркутской области в ЕАЭС в конце 2016 г. обратил внимание С.Ю. Глазьев, но в текущем проекте разрабатываемой стратегии социально-экономического развития эти цели, как и укрепление партнер-

¹ Здесь и далее в абзаце – расчеты автора по данным: <http://stu.customs.ru>

ских отношения в рамках АТР в качестве экспортера-производителя, а не только поставщика сырья, не нашли отражения [15]. В проекте также отсутствует четкое представление о промышленной политике как инструменте ликвидации отсталости региона, перехода к опережающему развитию путем форсированного создания производств нового технологического уклада и институтов современного рынка. Таким образом, вопросы разработки взаимосвязанных промышленной политики и стратегии развития региона остаются актуальными, но нерешенными.

Подтверждается необходимость совершенствования промышленной политики Иркутской области путём добавления данных о плотности, деятельности и профессиональном образовании населения, а также о структуре экспорта:

- *Численность населения* Иркутской области за последние 10 лет с 2007 по 2016 гг. непрерывно сокращается в среднем на 5848 человек в год². За годы перехода к рынку общая численность населения региона уменьшилась с 2,8³ до 2,4 млн чел. на начало 2017 г.⁴ (14,3%). При этом уезжают квалифицированные кадры, ученые, которые не востребованы в регионе из-за упадка промышленности и науки.
- *Миграция населения* области в 2006–2015 гг. имела отрицательное значение, в среднем число выбывших ежегодно на 6350 человек больше, чем прибывших⁵. Замещение выбывших преимущественно идет неквалифицированными кадрами из СНГ – Узбекистана, Таджикистана и др. и из стран Юго-Восточной Азии (Китай и Вьетнам).
- *Уровень жизни населения*. В 2015 г. выросла доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума и составила 20% от общей численности населения Иркутской области – это самое высокое значение показателя за период с 2006 по 2015 гг.⁶
- *Плотность населения и деятельности* области за 2015 г. составила 0,08 человек на 1 км² и 0,084 предприятий на 1 км² соответственно⁷, что значительно ниже, чем требуется для эффективного развития территории.
- *Профессиональное образование*. В 2010–2015 гг. число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку квалифицированных служащих, сократилось в 3 раза⁸.
- *Научная деятельность*. Объем готовой продукции, произведенной по наукоемким видам деятельности, на первое октября 2016 г. составил 0,87% от общего объема готовой продукции области⁹. Количество предприятий, занимающихся инновационной деятельностью в 2016 г., – всего 0,075%¹⁰ от общего количества субъектов хозяйственной деятельности. При этом основными источниками их финансирования служили собственные средства предприятий – 95,9%. Это характери-

² Рассчитано автором по данным: <http://irkutskstat.gks.ru>

³ Источник: <https://fedstat.ru>

⁴ Источник: <http://irkutskstat.gks.ru>

⁵ Рассчитано автором по данным: <http://irkutskstat.gks.ru/>

⁶ По данным: <http://irkutskstat.gks.ru>

⁷ Рассчитано автором по данным: <http://irkutskstat.gks.ru>

⁸ Источник: <http://irkutskstat.gks.ru>

⁹ По данным: <https://fedstat.ru/indicator/31042>

¹⁰ По данным: <http://irkutskstat.gks.ru/>

зует недостаточные масштабы инновационной деятельности и свидетельствует о неразвитости финансовой инфраструктуры.

Структура экспорта важнейших видов товаров из Иркутской области за 2016 г. представлена на рис. 2. Подавляющее большинство экспорта – сырье и товары низкой степени переработки.

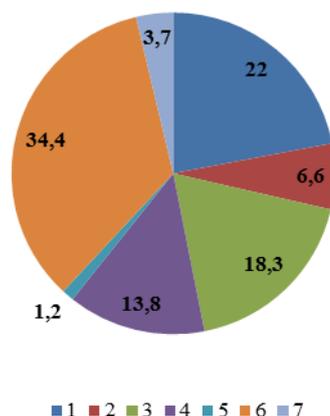

Рис. 2. Структура экспорта важнейших товаров ИО в 2016 г.:

1 – топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; 2 – лесоматериалы необработанные; 3 – лесоматериалы обработанные; 4 – целлюлоза древесная; 5 – бумага и картон, изделия из бумажной массы, бумаги, картона; 6 – алюминий и изделия из него; 7 – прочие товары, тыс. т

Промышленная политика региона, с одной стороны, имеет государственный характер, т.к. представляет собой целостную систему законодательных, административных и финансово-экономических решений правительства, а также мер и действий по управлению промышленным комплексом. Поэтому стратегическая направленность промышленной политики выдвигает необходимость укрепления взаимодействия между государством и субъектом федерации как главного условия обеспечения долгосрочности ее действия и соблюдения приоритетов проводимых преобразований [16].

С другой стороны, взаимозависимость региона и центра будет существовать, обеспечивая стабильность. Стратегии развития страны определяют основные ориентиры, но в рамках целого не должны исключаться возможности выбора собственных стратегий, не противоречащих общей идеологии, но позволяющих эффективно решать задачи развития регионов с учетом их специфики [16]. Практическое решение этой задачи непосредственно связано с обеспечением роста государственных расходов в валовом национальном продукте (ВНП) страны [17] и валовом региональном продукте (ВРП). При этом улучшение бизнес-климата, которое лежит в основе многих действующих программ по развитию частного сектора экономики, – важная часть промышленной политики. Но само по себе оно не является промышленной политикой, его лучше классифицировать как элемент относительно нейтральной политики экономического роста [18].

Две указанные стороны промышленной политики, согласованной со стратегией развития региона, отражены в предлагаемой схеме последовательно-параллельного процесса их формирования и реализации, приводящей к ста-

новлению модели современного рынка на федеральном и региональном уровнях хозяйствования (рис.3).

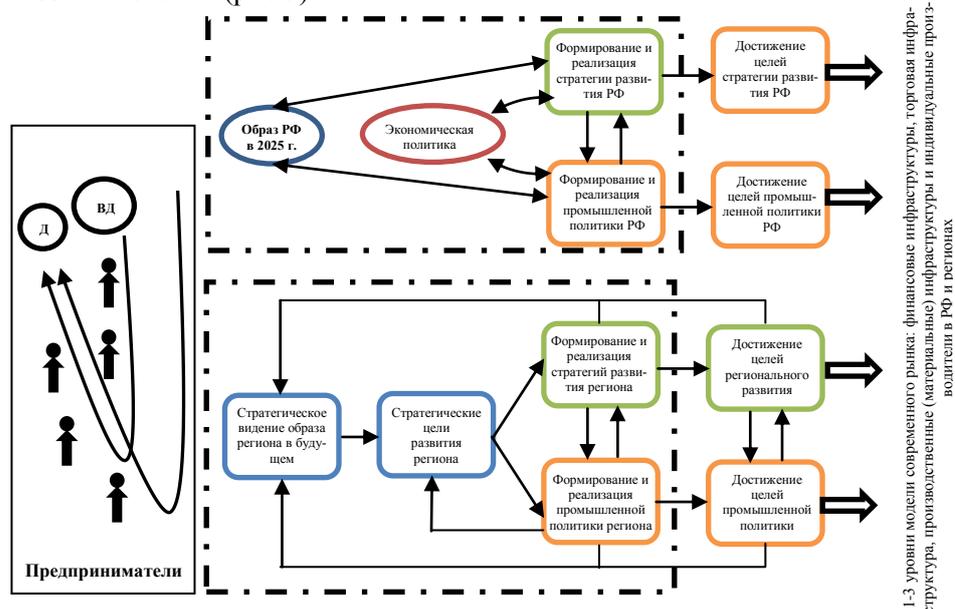

Рис. 3. Последовательно-параллельный процесс формирования и реализации промышленной политики и стратегии развития региона

Источник: составлено автором

В схеме показано, что создание модели современного рынка должно идти одновременно на федеральном и региональном уровнях, включая процессы взаимной корректировки и «работы над ошибками». Они представлены на схеме в виде прямых и обратных связей. Продуманная промышленная политика не должна зависеть от всеведения правительства или способности выбирать ведущие отрасли и компании. Ошибки являются ее неизбежной и необходимой частью, как считает Д. Родрик. Но требуется набор инструментов, благодаря которым будет возможно вовремя распознать ошибки и, соответственно, пересмотреть политику [19].

На верхнем уровне модели в РФ формируются образ страны в стратегической перспективе, например, до 2025 г., с его учетом разрабатывается экономическая политика, взаимосвязанная со стратегией развития и промышленной политикой. В схеме не показана, но подразумевается необходимость ответов на глобальные и национальные вызовы, определяющие содержание этих документов. Аналогично выстраивается процесс на уровне региона.

Достижение целей стратегического развития и промышленной политики должно привести к формированию первого, второго и третьего уровней модели современного рынка: финансовой инфраструктуры, торговой инфраструктуры, производственных (материальных) инфраструктур и индивидуальных производителей в РФ и регионах, имеющих возможность подключиться к нужной инфраструктуре. Это означает, что становление модели современного рынка осуществляется по принципу голограммы: действия на уровне страны проецируются на регион с учетом территориальной специфики, что, на наш взгляд, является необходимым условием создания эффективной промышленной политики.

На всех трех уровнях модели создаются условия для деятельности предпринимателей, максимально быстро использующих новые технологии, активно приспосабливающихся к возникающим потребностям клиентов, создающих новые рабочие места и способствующих процессам развития на всех уровнях организации хозяйства. Данный подход взят за основу разрабатываемой нами методики формирования промышленной политики в регионе.

Список источников / References

1. Rodrik D. Green industrial policy. *Oxford Review of Economic Policy*, 2014, vol. 30, no. 3, p. 472–478. DOI: 10.1093/oxrep/gru025.
2. Aiginger K. *Industrial Policy for a Sustainable Growth Path*. WIFO Working Papers, 2014. 31 p.
3. Mazzucato M. Which industrial policy does Europe need? *Intereconomics*, 2015, no. 50 (3), p.133–135. DOI: 10.1007/s10272-015-0535-1.
4. Rodrik D. Green industrial policy. *Oxford Review of Economic Policy*, 2014, vol. 30, no. 3, pp. 469–491. DOI: 10.1093/oxrep/gru025.
5. Rodrik D. Is Liberal Democracy Feasible in Developing Countries? *Studies in Comparative International Development*, 2016, vol. 51, issue 1, p. 57–69. DOI: 10.1007/s12116-016-9218-6
6. Лобзова В. Нужна ли России промышленная политика? *Экономист*, 2012, № 8. сс. 50–61. [Lobzova V. Nuzhna li Rossiipromyshlennayapolitika? [Does Russia need an industrial policy?]. *Economist*, 2012, no. 8, pp. 50–61.]
7. Шуплецов А.Ф. Россия после вступления во Всемирную торговую организацию: преимущества и проблемы. *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*, 2015, т. 6, № 2, сс. 126–141. [Shupletsov A. F. Rossiya poslevstupleniya vo Vsemirnyuyu trgovuyu organizatsiyu: preimushchestva i problemy [Russia after joining the World Trade Organization: benefits and challenges]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii = Baikal research journal*, 2015, vol. 6, no. 2, pp. 126–141.]
8. Бродель Ф. *Игры обмена*. Москва, Прогресс, 1988. 632 с. [Brodell' F. *Igry obmena* [Games of exchange]. Moscow, Progress Publ., 1988. 632 p.]
9. Попов С.В. *Организация хозяйства в России*. Омск, Курьер, 1999. 288 с. [Popov S. V. *Organizatsiya khozyaistva v Rossii* [Organization of economy in Russia]. Omsk, Courier Publ., 1999. 288 c.]
10. Ленчук Е.Б. *Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2016. 336 с. [LenchukE. B. *Novaya promyshlennaya politika Rossii v kontekste obespecheniya tekhnologicheskoi nezavisimosti* [The new Russian industrial policy in the context of technological independence]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2016. 336 p.]
11. Шалак А.В. Россия и Китай: возможности стратегического сотрудничества через призму региональных связей. *Известия Байкальского государственного университета*, 2017, т. 27, №2. сс. 292–297. [Shalak A. V. Rossiya i Kitai: vozmozhnosti strategicheskogo sotrudnichestva cherez prizmu regional'nykh svyazei [Russia and China: opportunities for strategic cooperation through the prism of regional ties]. *Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 292–297.]
12. Постановление Законодательного Собрания Иркутской области от 15.02.2017 г. №47/72-3С «О проекте закона Иркутской области «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 г.». [Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobraniya Irkutskoi

- oblasti ot 15.02.2017 g. №47/72-ZS «*O proekte zakona Irkutskoi oblasti «Ob utverzhdenii strate-gii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Irkutskoi oblasti na period do 2030 g.»* [Irkutsk oblast Legislative assembly ruling №47/72 of 15.02.2017 on Draft Irkutsk oblast law «Concerning Approval of the socio-economic development strategy in Irkutsk oblast for the period until 2030»]. Available at: http://irkobl.ru/sites/economy/socio-economic/advance_planning/ (accessed 09.02.2018).
13. Закон Иркутской области от 27.12.2016 №132-ОЗ «*Об отдельных вопросах реализации промышленной политики в Иркутской области.*» [Zakon Irkutskoi oblasti ot 27.12.2016 №132-OZ «*Ob otdel'nykh voprosakh realizatsii promyshlennoi politiki v Irkutskoi oblasti.*»]. [Irkutsk oblast Act №132 of 27.12.2016 on Concerning certain issue of industrial policy implementation in Irkutsk oblast]. Available at: <http://www.irk.gov.ru/law/regnews/detail.php?ID=14281> (accessed 09.02.2018).
 14. Фалыхов Р. *Семь сценариев для России.* Газета.Ру, 2017, 27 фев. [Falyakhov R. *Sem' stsenariiev dlya Rossii* [Seven scenarios for Russia]. Gazeta.Ru, 2017, 27 Feb.]. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/25/10543481.shtml> (accessed 15.06.2017).
 15. Соколова А. *Иркутск станет центром проекта «Большая Евразия».* Байкал Инфо, 2016, 14 дек. [Sokolova A. *Irkutsk stanet tsentrom proekta «Bol'shaya Evraziya»* [Irkutsk will become the center of the project «Greater Eurasia»]. Baikal info, 2016, 14 Dec.]. Available at: <http://baikal-info.ru/irkutsk-stanet-centrom-proekta-bolshaya-evraziya-s-glazev> (accessed 01.07.2017).
 16. Гордеев О.И., Гордеев С.О. *Развитие промышленности региона в условиях перехода к подъему экономики: стратегия, политика и средства обеспечения.* Санкт-Петербург, НПК «РОСТ», 2007. 365 с. [Gordeev O. I., Gordeev S. O. *Razvitie promyshlennosti regiona v usloviyakh perekhoda k pod'emiu ekonomiki: strategiya, politika i sredstva obespecheniya* [Economic development in the transition to economic recovery: strategy, policy and facilities]. St. Petersburg, NPK «ROST» Publ., 2007. 365 p.].
 17. Федюкович Е.В. *Региональное развитие и экономический рост.* Иркутск, изд-во БГУЭП, 2009. 175 с. [Fedyukovich E. V. *Regional'noe razvitie i ekonomicheskii rost* [Regional development and economic growth]. Irkutsk, BGUEP Publ., 2009. 175 p.].
 18. Reiner C., Staritz S. *Private sector development and industrial policy: Why, how and for whom?* Vienna, ÖFSE Publ., 2013. 255 p.
 19. Rodrik D. Green industrial policy. *Oxford Review of Economic Policy*, 2014, vol. 30, no. 3, 2014, pp. 469–491. DOI: 10.1093/oxrep/gru025.

Сведения об авторе / About author

Светник Наталия Васильевна, аспирант, Байкальский государственный университет. 664047 Россия, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 60–54. *E-mail: svetniknv@yandex.ru*
Nataliia V. Svetnik, Postgraduate Student, Baikal State University. 60 Aleksandra Nevskogo str., flat 54, Irkutsk, Russia 664047. *E-mail: svetniknv@yandex.ru*

© Светник Н.В.

© Svetnik N.V.

Адрес сайта в сети интернет: <http://jem.dvfu.ru>